

ТАТЬЯНА ПЛОТНИКОВА: МНЕ ХОРОШО ТАМ, ГДЕ Я ПОЮ

Меня давно волновал вопрос — как наступает человеческая и творческая зрелость, когда человек и музыкант обретает настоящее право говорить от первого лица? В какой момент из ученика он становится мастером? Труднее всего заметить такую перемену в том, кто находится рядом с тобой: мы склонны скептически оценивать “близких”, возвышая при этом “далеких”. Вот уже 5 лет я знакома с Таней Плотниковой. По-моему, она становится большой певицей.

Татьяна родилась в Ленинграде. Живет в Дубне, Москве и Мангейме. Окончила в этом году Московскую консерваторию у К. Кадинской. 1998 — лауреат Всероссийского конкурса “Bella voce” (Москва). 2003 — первая премия конкурса Монсеррат Кабалье (Андорра). Октябрь 2003 — сольный концерт в Андорре. Творческие планы: июль 2004 — сольный концерт в Каннах, осень 2004 — передача “Morgen Star” (“Монсеррат Кабалье представляет”) на телеканале ZDF (Германия). С 2004 ее творческие интересы представляет агентство DBM Artists (Барселона).

— **Таня, в Вашей семье кто-нибудь пел?**

— Профессионально вокалом никто не занимался. У мамы от природы голос потрясающе красивого тембра. Может быть, сказываются армянские корни. Мама работала в детском саду, пела там на утренниках с детьми.

— **Кто помогал Вам в Москве, влиял на Вас?**

— Конечно, Виктор Перчик, мой муж. Ежедневно он меня вытаскивает заниматься. Он — мой самый главный критик. А еще мой преподаватель пения в Мерзляковском училище Лидия Алексеевна Черных. Она меня очень вдохновляла. Хвалила так,

что хотелось жить. Из ее класса я всегда выходила окрыленная:

— **Когда Вас ругают, это стимулирует?**

— Нет, не люблю когда меня ругают. Я вообще не люблю проигрывать. Хвалите меня, хвалите!

Я очень благодарна Кларе Григорьевне Кандинской. Она мне дала всё, что у меня сейчас есть. Сначала я брыкалась. Мне казалось, что она предлагает слишком колоратурный репертуар. Но она оказалась права.

— **Вы же сейчас не поете колоратурный репертуар...**

— Я пела Люцию, Травиату. Высоковато, конечно, но я справляюсь с этими партиями. Когда певица может петь и “Норму”, и “Травиату”, это очень хорошо.

Мне нравится, что Клара Григорьевна никогда не говорит безапелляционного “нет”. Она всегда дает пробовать, никогда не оскорбит. Я принесла на урок дра-

матические арии из “Силы судьбы”, из “Валли” Каталани, из “Чио-Чио-сан”. Мы стали пробовать. Теперь эти арии в моем репертуаре.

— **О чем она Вам напоминает чаще?**

— О том, что меня захлестывают эмоции. В пении я иногда укрупняю, форсирую. Все надо петь легче, мягче...

— **Вы стажируетесь в Мангейме у Рудольфа Пиернай...**

— Это очень известный камерный певец, бас. Он пел в Венской Staatsoper. Он занимается со мной немецкой музыкой — Моцартом, Шубертом...

— **А чем отличается стиль его преподавания?**

— Как Вам объяснить? Он учит немецкой манере пения. Вот, я пела арию “Et incarnatus est” из Мессы Моцарта с-moll. Он сказал, что я пою в итальянской манере. А здесь должна быть немецкая камерная манера. Моцартовское portamento, трели сверху — моцартовские. Нужно петь всё меньшим дыханием, не так крупно. Это детали, которым здесь, в России, не всегда придают значение.

— **Что такое моцартовское portamento?**

— Не такое глубокое и драматичное, как у Пуччини, более мягкое. Вообще, петь камерную музыку мне очень сложно. Голос крупный, и трудно после арии Нормы петь, например, Памину. Пиернай считает, что мне её вообще нельзя петь. Вокально она получается, верхние ноты на piano берутся. Но по образу, по дыханию, даже по тембру я для неё не подхожу. Пиернай говорит, что если бы у меня было колоратурное сопрано, то моей партией была бы Царица Ночи. И по темпераменту она мне больше подходит... Зато я даю в Германии концерты из

итальянских оперных арий. Немцам нравится.

— **Скажите, есть ли произведения, которые Вам особенно психологически близки?**

— Как ни странно, это романсы: “Спи, дитя мое”, “Горными тихо летела душа небесами”, “Лишь ты один” Чайковского. Из оперных арий — “Casta diva”, конечно. В этой арии вся горечь выходит наружу. Вы знаете, я воспринимаю эту молитву как драматическую. Потому что знаю, чем опера заканчивается, о чем поет Норма, и о чем она уже знает...

— **А “Травиата”?**

— Норма, Люция, Елизавета, Донна Анна — партии, которые даже драматически агрессивны. А Виолетта — что-то ближе к Татьяне...

— **Поэтому эта партия Вам меньше нравится?**

— Не могу сказать, что меньше нравится. Эту роль я это действительно играю, не могу прожить ее до конца. Любовный трепет Виолетты — это совершенно иной драматизм, чем в “Норме”. В ней много лирики. А с лирикой у меня проблемы. Наверное, потому, что у меня в жизни мало лирики.

— **В какой стране Вы хотели бы жить, где Вы себя лучше всего чувствуете?**

— Каверзный вопрос. Честно говоря, я чувствую себя хорошо в Германии. В России, когда я со своими друзьями. Но здесь совсем не отдыхаю... В Германии мой сын Елизар, мой муж, там у меня есть интересные проекты, поэтому мне там лучше. Но если я буду работать, петь в России, мне будет хорошо и здесь. Мне хорошо там, где я пою.

Беседу провела
Олеся Бобрик

Плотникова Татьяна (1961). 06.04 (июнь)